О. Запорожец

ИГРА В РЫНОК: ДИСПОЗИЦИЯ СИЛ (ФОРМАЛЬНЫЕ И НЕФОРМАЛЬНЫЕ ПРАКТИКИ АДАПТАЦИИ ИНДИВИДОВ К НОВОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СРЕДЕ)

Метафора «игра», ставшая столь востребованной в современной социологии, обычно используется для описания мира повседневности. При характеристике экономических действий, казалось бы, столь идеально отражающих идею игры со всеми ее правилами, завязками и кульминациями, эта метафора теряет свою популярность. А что уж говорить про исследования адаптации - приспособления к рыночным моделям хозяйствования. Тема серьезная, любые аллегории здесь недопустимы, слишком велико значение процесса для общества, слишком серьезные вопросы попадают в поле обсуждения. И тем не менее попробуем представить приспособление к новым условиям как игру по «рыночным» правилам, в которую оказались вовлеченными множество людей.

Особенности игры, возможно, будут лучше понятны, если мы определим особенности игровой ситуации:

1. поля игры: формальное/неформальное экономическое пространство;
2. основные практики неформальной адаптации;
3. физическое пространство неформальной экономики;
4. рынок в пространстве неформальной экономики;
5. победители и проигравшие в пространстве неформальной экономики.

Поля игры

Противопоставление двух сфер экономических отношений: формальной и неформальной - стало «классикой жанра» при ана-

лизе современной экономической системы. Какие практики используются сегодня агентами в процессе освоения нового экономического пространства? Без четкой опеоарационализации понятий «формальная и «неформальная экономическая практика» ответ на этот вопрос невозможен. Существенным препятствием стала предельно широкая трактовка понятия неформальности, интерпретирующая последнюю как «совокупность неконтрактных, не подлежащих бухгалтерскому учету экономических отношений» (Радаев 1999: 36). Согласно подобному определению, в сферу неформального попадают явления различной природы, уровня организации. Метафорически поле референции понятия «неформальная экономика» можно уподобить пыльному чердаку, на который оказались заброшенными без разбору самые разные вещи.

Систематизация неформальных практик важна для преодоления существующей аналитической неразберихи. Особенно значимым нам представляется выделение видов неформальных практик, например производственных[1] и обменных, акцентирующее два наиболее значимых для рыночного общества вида экономических отношений. Также значима рефлексия уровней организации неформальной деятельности. Очевидно, что сугубо специфичными будут виды неформальных практик, используемых отдельными индивидами, домохозяйствами, сетями или организациями[2]. Поэтому важно идентифицировать уровень анализа, определить его специфику. Так, в исследовании, ставшем основой данной статьи, внимание акцентировалось на неформальных производственных практиках отдельных индивидов.

Исследование «Адаптация домохозяйств Самарской обмети к рыночной экономике» проводилось в 2001-2002 гг. в Самарской области социологами Самарского государственного университета под руково-

[1] Данная позиция была обозначена М. Кастелльсом и А. Портесом. считавшими производственные отношения основой неформальной экономики. См.: Casiells M.. Portes A. World Underneath: The Orieins Dynamics, and Kffecis of the Informal Economy // The Informal Economy. Studies in Advanced and Less Developed Countries. The John Hopk.ns University Press. 1989. P. 12.

[2] Подобные различия считаются очевидными для ряда авторов, но фактически не становятся предметом социологического анализа. См.: Portes A. The Informal Economy and us Paradoxes. Handbook of Economic Sociology / Ed. by N.J. Smelser and R. Swedberg. Russel Sage Foundations 1944- Beyond Regulation. The Informal Economy in Latin America / Ed. by V. Tolkman. Lynne Riener Publishers. Boulder&London. 1992: Радаев В.В. Экономическая социология. М.. 1997.

дством А.С. Готлиб. Оно включало в себя 2 этапа: количественный (опрос населения области на основе многоступенчатой (районированной квотной) выборки, число опрошенных - 1000 чел.); качественный (свободное интервью (число информантов - 40 чел.).

В своем исследовании мы исходили из посылки, что наиболее радикальному изменению в ходе рыночных реформ подверглась сфера производственных отношений, поэтому изучение практик адаптации именно в этой сфере особенно значимо для понимания сущности происходящих трансформационных процессов. Судя по данным исследования, в Самарской области, известной своей рыночной ориентированностью и наиболее последовательным воплощением стратегии неолиберальных реформ, наблюдается некоторое преобладание формальных практик освоения рыночного пространства. Так 55,8 % опрошенных выбрали формальные способы адаптации, включавшие в себя такие практики, как поиск новой работы, совместительство, открытие собственного бизнеса, получение образования для получения новой работы, повышение квалификации и пр., 49,4 % - неформальные: ведение приусадебного хозяйства, рукоделие, предоставление бытовых услуг и пр.

Признавая сосуществование двух пространств экономической деятельности, воспринимаемых отдельными экономистами и социологами как антиподы[1], следует задаться вопросом: четко ли обозначены контуры полей в реальности, разделены ли они в представлениях экономических агентов? На наш взгляд, можно констатировать «размытость» границ между формальными и неформальными практиками: экономические агенты свободно переходят из одной сферы в другую, сочетая или последовательно применяя соответствующие практики. Так, 59,5% опрошенных, использующих неформальные практики адаптации, предпринимали попытки адаптироваться и в сфере формальных экономических отношений. Таким образом, для значительного числа адаптантов не существует четкого «водораздела» между формальными и неформальными сферами и соответствующими им практиками. Вполне возможно, что используемые практики не выступают предметом рефлексии, а лишь служат средствами достижения цели - выживанию, приспособлению к меняющемуся социальному окружению.

Например. В.Г. Виноградский в своих работах указывает на принципиальное отличие мира формальных и неформальных экономических феноменов.

Основные неформальные практики

Какие же неформальные практики используются сегодня? К числу наиболее распространенных видов неформальной деятельности, по данным исследования, могут быть отнесены:

- обзаведение собственным приусадебным хозяйством - 70,4 % опрошенных, использующих неформальные практики,
- собирательство: сбор грибов, ягод и пр. - 26,7%,
- «рукоделие», к которому наряду с традиционными видами - шитьем, вязанием - нами было отнесено изготовление домашней утвари, мебели и т.п. - 20,1 %,
- выращивание домашнего скота или разведение пчел - 11,3 %,
- приготовление пищи дня себя/своей семьи или на продажу -5,7 %,
- охота и рыбалка - 5,5 %,
- оказание услуг (ремонт, массаж, стрижка и пр.)-3,1 %.

Очевидна архаизация экономических практик, отмечаемая многими исследователями как неотъемлемая черта преобразовании, происходящих в постсоветских странах. *Пространство неформальных экономических практик*

Можем ли мы говорить об определенной пространственной локализации неформальных производственных практик? Существенные различия экономического поведения селян и горожан дают нам основания говорить о «сельской прописке» выделенных практик. Обратимся к сравнению: 46,4% опрошенных в больших городах периодически используют неформальные производственные практики, в малых городах- 41,8 %, а в деревнях - 87,4 %. Следует ли в данном случае говорить об атрибутивном характере неформальных экономических практик для деревенского образа жизни? На наш взгляд, эта проблема нуждается в более детальном изучении, поскольку речь может идти не об аутентичности неформальных практик для деревенского сообщества (по причине наличия ресурсов, традиционности мышления и т.п.), а о вынужденном характере

неформальных практик из-за отсутствия условий для использования формальных практик.

Рынок в пространстве неформальной экономики

Ранее мы говорили об архаизации как характеристике неформальных производственных практик. Следствием ее может выступать натурализация экономической деятельности - переход отдельных индивидов или домохозяйств на самообеспечение, уход из рыночного пространства. Можем ли мы говорить о преимущественно нерыночном характере неформальных экономических практик? Основной чертой рыночного хозяйства считается господство товарно-денежных отношений. В связи с этим логична постановка вопроса: превращаются ли созданные людьми продукты в товары, становятся ли они предметами обмена, т.е. попадают ли они в сферу действия рыночной экономики? Как свидетельствуют данные нашего исследования, в большинстве случаев этого не происходит: производимые предметы или услуги предназначаются только для личного использования, то есть находятся вне сферы рынка. К примеру, половина опрошенных (50,4 %), имеющих дачи или огороды, подчеркивает, что выращивает только для своих нужд, еще треть заявляет, что может продать выращенное в случае необходимости (36,2%) и лишь десятая часть (13,1 %) утверждает, что выращивает овощи, фрукты, цветы и пр. специально для продажи. Еще более «нерыночная» ситуация складывается с другими неформальными практиками. Единственным исключением выступает животноводство: 40,0% опрощенных изначально ориентированы на товарное производство, еще 49,1 % готовы продать произведенное в случае необходимости. Подобные данные подтверждают предположение о преимущественно нерыночном характере неформальных производственных экономических практик, ведущем к натурализации экономической жизни. То есть игра в рынок на значительном пространстве неформальной экономики превращается в миф.

Можно ли на этом основании говорить о нерыночной ориентированности неформальной экономики per se? Подобная генерализация представляется нам ошибочной. На наш взгляд свечения о высокой степени натурализации неформальных экономических практик могут быть следствием как несовершенства исследовательских техник сбора данных, так и феномена «преувеличенной нату-

рализации». Люди не будут говорить о том, что производят товары на продажу, находясь в плену стереотипов советской эпохи, осуждавших индивидуальную экономическую деятельность, или современных страхов: страха перед налоговой службой и соответствующего желания не раскрывать свои реальные доходы.

Игра в рынок: победители и проигравшие

Итак, рассматриваемые неформальные экономические практики адаптации носят преимущественно нерыночный характер. Своеобразным подтверждением этого является факт частого обращения неуспешных адаптантов к неформальным практикам. Иными словами, к неформальным практикам прибегают те, кто не смог добиться значительных успехов в сфере формальных отношений[1]. Мы не можем пока говорить о направленности связи, формирующей определенную причинно-следственную зависимость. Очевидно только, что обнаруженный факт нуждается в дальнейшем изучении и анализе, поскольку сможет прояснить характер связи между формальными и неформальными экономическими практиками. Пока же остается неясным: является включенность в неформальные практики препятствием для успешной реализации индивида в формальной сфере[2] либо она выступает своеобразным реваншем за предшествующие неудачи в поле формальной экономики, обеспечивая возможность ведения экономической деятельности?

Подводя итог описанию практик освоения рыночного пространства, сформулируем основные выводы. Игра на рыночном пространстве сегодня идет с помощью как формальных, так и неформальных практик. Границы между ними «размыты»: экономические агенты «дрейфуют» в рыночном пространстве. На наш взгляд,

[1] В своем исследовании мы использовали типологию, основу которой составляют два вектора: плантация и успешность. Алаптантами считаются индивиды, предпринимавшие какие-либо действия для улучшения своего материального положения за последние лет. Успешность адаптации определяется оценкой индивидом своего материального положения -идентификацией с определенной социально-экономической группой. Успешными считаются лица, относящие себя к высокообеспеченным, скорее высокообеспеченным и средним. Подробнее об основаниях типологии см.: Готлиб А.С. Социально-экономическая адаптация россиян: опыт сочетания количественной и качественной методологии в одном отдельно взятом исследовании // Социология 4М. 2000. Т. 12.

Классический аргумент сторонников либерализации экономических отношении, ведущих к доминированию формальной контрактной сферы, со свойственной ей специализацией труда. См.: Занятость и повеление домохозяйств: адаптация к условиям перехода к рыночной экономике в России / Под ред.: В. Кабалиной и С. Кларка. М.. 2000.

можно говорить о специфической пространственной локализации неформальных практик - более частому обращению к ним сельских жителей. Зачастую использование неформальных экономических практик не попадает в сферу товарных отношений, а следовательно, имеет нерыночный характер, что может расцениваться как проблема для построения рыночных отношений.

В заключение подчеркнем, что исследование неформальных практик сегодня сталкивается с множеством проблем: от точности определения феномена и выбора адекватных методик его фиксации до интерпретации полученных результатов. Поэтому активный диалог в научном сообществе, рефлексия проблем и поиск средств их решения сегодня особенно необходимы.

Виноградский В.Г. «Орудия слабых»: неформальная экономика крестьянских домо-
хозяйств // Социологический журнал. 1998. № 3.

Готлиб А.С Социально-экономическая адаптация россиян: опыт сочетания количественной и качественной методологии к одном отдельно взятом исследовании // Социология 4М. 2000. Т. 12.

Занятость и поведение домохозяйств: адаптация к условиям перехода к рыночной экономике в России / Под ред. В. Кабал иной и С. Кларка. М, 2000.

Радаев В.В. Неформальная экономика и внеконтрактные отношения и российском бизнесе // Неформальная экономика: Россия и мир. М, 1999.

Beyond Regulation. The Informal Economy in Latin America / Ed. by V. Tolkman. Lynne Riener Publishers. Boulder&London, 1992.

Castells M., Portes A. World Underneath: The Origins. Dynamics, and Effects of the Informal Economy // The Informal Economy. Studies in Advanced and Less Developed Countries. The John Hopkins University Press, 1989.

Portes A. The Informal Economy and its Paradoxes. Handbook of Economic Sociology / Ed. by N.J. Smelser and R. Swedberg. Russel Sage Foundations, 1994.